

М.С. Саламатова*

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ КОРПУС СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
И ОТРАЖЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ
1920-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2024-1-1
УДК. 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Саламатова М.С. Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 11–24.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-01.pdf>

M.S. Salamatova*

**ELECTORAL CORPS OF SOVIET CITIES:
PROBLEMS OF SOCIAL IDENTIFICATION
AND REFLECTION IN ELECTORAL STATISTICS
OF THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-1

How to cite:
Salamatova M.S. Electoral Corps of Soviet Cities: Problems of Social Identification and Reflection in Electoral Statistics of the 1920s // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 11–24. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-01.pdf>]

Abstract. Soviet electoral statistics of the 1920s, in addition to information about the progress and results of elections, it contained indicators that reflected socio-economic and political processes, and its quality largely determines ideas about society and Soviet bodies. The article analyzes the size and structure of the urban electoral corps of the 1920s, in relation to census data of 1923 and 1926. Analysis of census data and election statistics revealed significant discrepancies (overstatement of the number of workers by 14 %, understatement of the number of employees by 26 %, and small town owners by 45 %). The reasons for the distortion of electoral statistics were the artificial construction of the electoral corps, which did not reflect the real social structure of society, continuous changes in the criteria for recording various groups of voters and pressure on election organizers to achieve high rates of participation of the proletarian strata. Soviet electoral statistics reflected the general problems characteristic of statistical accounting in the country in the 1920s and 1930s, providing distorted data for decision-making based on ideologically formed indicators and a schematic vision of social processes by the country's leadership, which led to erroneous decisions in various fields.

Keywords: electoral corps, election statistics, voters, urban population, social structure, Soviet electoral system, Soviet elections.

The article has been received by the editor on 12.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Советская электоральная статистика 1920-х гг., помимо сведений о ходе и итогах выборов, содержала показатели, отражавшие социально-экономические и политические процессы, и ее качество в значительной мере определяет представления об обществе и советских органах. В статье проанализирована численность и структура городского электорального корпуса 1920-х гг. в соотношении с данными переписей 1923 и 1926 гг. Анализ данных переписей и избирательной статистики выявил значи-

* **Марина Сергеевна Саламатова**, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: salamatova.m@mail.ru
Marina Sergeevna Salamatova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: salamatova.m@mail.ru

тельные расхождения (завышение численности рабочих на 14 %, занижение численности служащих на 26 % и мелких хозяев города на 45 %). Причины искажения электоральной статистики: искусственное конструирование электорального корпуса, не отражавшее реальной социальной структуры общества, непрерывные изменения в критериях учета различных групп избирателей и давление на организаторов выборов для достижения высоких показателей участия пролетарских слоев. Советская электоральная статистика отражала общие проблемы, характерные для статистического учета в стране в 1920-е и 1930-е гг., давая искаженные данные для принятия решений, основанных на идеологически сформированных показателях и схематичном видении общественных процессов руководством страны, приводивших к принятию ошибочных решений в различных сферах.

Ключевые слова: электоральный корпус, избирательная статистика, избиратели, городское население, социальная структура, советская избирательная система, советские выборы.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.

Отправной точкой изучения электоральных процессов в обществе, особенностях электорального поведения является представление об избирательном корпусе – его численности и структуре. Тем более значимым это представляется для раннесоветского общества, поскольку советская электоральная статистика 1920-х гг., в отличие от современной, помимо собственно сведений о ходе и итогах выборов, содержала показатели, отражавшие социально-экономические и политические процессы, соответственно ее качество в значительной мере определяет наши представления о советских органах и обществе 1920-х гг. Хотя проблемы качества советской статистики неоднократно становились предметом изучения в отечественной и зарубежной литературе¹, качество электоральной статистики в значительно меньшей степени исследовано и осознано как проблемное поле. Как в советской, так и современной историографии она затрагивается как одна из технических проблем организации выборов и учета избирателей². Поскольку представления о советских выборах и органах управления основываются именно на избирательной статистике, важно определить, насколько они были достоверными, какие реальные процессы отражали и какие пытались скрыть. В настоящей публикации предпринимается попытка проанализировать численность и структуру городского корпуса избирателей 1920-х гг., определить соотношение с социальной структурой общества, отраженной в статистике.

Структура городского населения и проблемы его социальной идентификации в 1920-е гг. Несмотря на немногочисленность городского населения в РСФСР (по переписи 1926 г. – 17,4 млн чел., около 18 %)³, исход выборов в городские Советы был чрезвычайно важным для большевиков, позиционировавших себя как партию «авангарда пролетариата». Проблема определения социальной структуры городского населения стала неотъемлемой частью внутрипартийных дискуссий, аргументом для проведения политических реформ и «чисток» государственного аппарата на протяжении 1920-х гг. Отнесение того или иного слоя населения к «пролетариату», «полупролетариату» или «буржуазии» было принци-

¹ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006; Тольц М.С. Статистика как инструмент политики Советского Союза // Социологический журнал. 2003. № 4; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1: 1900–1939; Blum A. Statistique, démographique et politique: Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939). Paris, 1998.

² Андреев В.Л. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990. С. 137–139; Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 87; Яцук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск, 2007. С. 224.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки: в 10 т. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927–1929. Т. 9. С. 2–13.

пильно для власти при формировании Советов и определении маркеров «социально близких» и «социально чуждых», границы которых были чрезвычайно подвижными на протяжении 1920-х гг.

Как выглядела структура самодеятельного населения городов в 1920-е гг.? Переписи городского населения 1923 и 1926 гг. позволяют определить социальную структуру городского населения следующим образом: в 1923 г. число рабочих в РСФСР составляло 1 693 874 чел. (26 %), в 1926 г. – 2 330 950 чел. (29,5 %); служащих – 1 711 704 чел. (26,2 %), в 1926 г. – 2 168 473 чел. (27,5 %). Хозяев всех категорий с помогающими членами семей (с наемными рабочими, не нанимающих работников и работающих индивидуально) в 1923 г. было 1 272 244 чел. (19,5 %), в 1926 г. – 1 706 232 чел. (21,5 %). Довольно значительные группы горожан были учтены как безработные (в 1923 г. – 688 331 чел. (10,6 %) и в 1926 г. – 656 521 чел. (8,3 %) и иждивенцы государственных и общественных учреждений (в 1923 г. – 589 473 чел. (9 %), в 1926 г. – 816 152 чел. (10,3 %)). Также весьма значительной была группа, не пожелавшая указать источники своего существования (в 1923 г. – 408 262 чел. (6,3 %), в 1926 г. – 47 526 чел. (0,6 %))⁴.

Таким образом, в 1920-е гг. правящая партия могла отнести к пролетарским «социально близким» слоям не более трети горожан. Но и применительно к рабочим велись внутрипартийные дискуссии об идентификации «настоящего пролетариата» – авангарда социалистического переустройства, обладавшего «революционным» сознанием, на который партия могла опереться⁵. Не вдаваясь в подробности дискуссии о соотношении различных групп в структуре пролетариата после революции⁶, отметим актуальность этих оценок применительно к 1920-м гг. Большевики, постоянно проводившие переписи и обследования рабочего класса в 1920-е гг., хотели понимать, какие слои являлись безусловной опорой режима и могли выступить основой построения социалистического общества. Советские статистики относили к «ядру» пролетариата около трети рабочих⁷. Оценки советских статистиков по большей части совпадают с оценками современных исследователей. Так, А.Н. Федоров, выделяя в качестве основного критерия отнесения к рабочему классу «устойчивость сферы применения профессиональных навыков и, в частности, постоянную занятость на промышленных предприятиях»⁸ и не учитывая другие признаки, такие как «квалификацию труда, потомственность происхождения, степень ассимиляции в городскую культуру, уровень сознательности»⁹, относит к ядру пролетариата Центрального Промышленного района около 35 % рабочих, остальные сохранили тесные связи с деревней (являлись отходниками либо покидали город и выполняли часть сельскохозяйственных работ)¹⁰. В.Б. Жиромская, не используя понятия «ядра» пролетариата, исходя из результатов переписей 1923 и 1926 гг. выделяет категорию «квалифицированных рабочих» на крупных предприятиях и относит к ней около 35–40 % рабочих¹¹.

Еще более непростая ситуация с идентификацией категории «служащих» – чрезвычайно разнородной группой, определяемой в советской статистике как «лица умственного труда, наемные работники, занимавшиеся физическим трудом, работа которых не была

⁴ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Труды ЦСУ СССР. 1924. Т. 20. Ч. 2. С. 46–47; Вып. 3. С. 18–35; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 26. С. 120–160, 162.

⁵ Федоров А.Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920-х гг. (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 77–79.

⁶ Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Изменения социальной структуры советского общества (Окт. 1917–1920 гг.). М., 1976; Поляков Ю.А. Население советской страны после окончания гражданской войны и иностранной военной интервенции. М., 1987; Rosenberg W.G. Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921. Bloomington, 1997. P. 633–644.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 504. Л. 88.

⁸ Федоров А.Н. Реальная опора советской власти... С. 78.

⁹ Гапоненко Л.С. Рабочий класс России... С. 29.

¹⁰ Федоров А.Н. Реальная опора советской власти... С. 79.

¹¹ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 108–110.

связана с производством или транспортированием материальных ценностей»¹². В переписи категория «служащих» включала старший, средний и младший персонал: под старшим персоналом понимались «служащие, занятые высококвалифицированным умственным трудом во всех отраслях хозяйства – на производстве, в здравоохранении, просвещении, управлении», которых можно отнести собственно к интеллигенции¹³. Статистика учитывала две группы интеллигенции: служащих в составе госаппарата и лиц свободных профессий, совокупно они не превышали 6 % городского населения РСФСР¹⁴. Помимо интеллигенции, Л.К. Каримова в группе «служащих» выделяет «лиц, выполняющих административно-хозяйственные и управленческие функции (торговые и конторские работники), госслужащих – занимавших за вознаграждение должность в государственных органах, учреждениях и организациях»¹⁵. В.Б. Жиромская отмечает, что основная масса служащих работала в государственных учреждениях, фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности, торговле, на железнодорожном транспорте, местном транспорте и строительстве, при этом среди «служащих» преобладали сотрудники госучреждений, составляя в 1923 г. 48,2 %, в 1926 г. их удельный вес сократился до 42 %¹⁶.

Помимо рабочих и служащих, в составе городского населения переписи выделяли многочисленные группы, которые исследователи идентифицируют как «непролетарское население» городов. Наиболее значимой по численности была группа хозяев, она включала: 1) хозяев с наемными рабочими (эта группа насчитывала в РСФСР в 1923 г. 27 563 чел., в 1926 г. – 56 128 чел.); 2) хозяев, работавших только с членами семьи (в 1923 г. – 263 984 чел., в 1926 г. – 407 403 чел.); 3) хозяев-одиночек (в 1923 г. – 555 919 чел., в 1926 г. – 620 471 чел.)¹⁷. Первая группа включала владельцев различных торговых, промышленных предприятий, ремесленных заведений с наемной рабочей силой, подрядчиков строительных работ и т.п. Эту группу власть идентифицировала как нэпманов и она была крайне немногочисленной, составляя около половины процента в самостоятельном населении советских городов. К предпринимательским слоям также можно отнести часть хозяев, работающих только с членами семьи, занятых в торговле: они владели лавками, трактирами, чайными и т.д. Наиболее многочисленную группу горожан, «живших на нетрудовые доходы», составляли рантье (в переписи обозначавшиеся как «рантьееры») – они жили за счет сдачи в наем домовладений, составляя 1,3 % населения городов. В целом В.Б. Жиромская определяет численность предпринимательских групп в 2 % городского населения (всего около 130 тыс. чел. в 1923 г. и 170 тыс. в 1926 г.)¹⁸.

Традиционные слои городского населения – ремесленники, кустари, извозчики, полукрестьянское население, проживавшее в черте города или пригороде, и занимавшиеся сельскохозяйственным трудом (садоводством, огородничеством) – составляли вместе с членами своих семей наиболее значительную часть непролетарского населения городов. Данные переписей позволяют определить их численность в 1923 г. в 1 млн 225 тыс. чел. (18,8 % городского населения)¹⁹, в 1926 г. – 1 млн 650 тыс. чел. (20,8 %)²⁰.

В целом, как многократно констатировали исследователи, теоретические марксистские схемы о социалистическом обществе не соответствовали реалиям послереволюционного

¹² Всесоюзная перепись населения 1926 года: краткие сводки... Т. 9. С. 7.

¹³ Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М., 2019. С. 130.

¹⁴ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. ... Т. 20. Вып. 1. Ч. 2. С. 46–47; Вып. 3. Ч. 2. С. 26–31; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 328–330.

¹⁵ Каримова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е г. (социально-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 16.

¹⁶ Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. ... С. 141.

¹⁷ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. ... Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. С. 18–35; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441; Всесоюзная перепись населения 1926 года... Т. 26. С. 120–160, 162.

¹⁸ Жиромская В.Б. После революционных бурь... С. 127–135.

¹⁹ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. ... Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. С. 18–35; 1926. Ч. 3. Вып. 1. С. 320–337, 392–409, 432–433, 440–441.

²⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года... Т. 26. С. 120–160, 162.

общества²¹. Переписи городского населения 1920-х гг. показывают, что социальный состав советских городов был далек от схематических представлений и включал большое количество трудно идентифицируемых социальных групп с точки зрения марксистской теории – промежуточных между пролетариатом и мелкобуржуазными слоями.

Как соотносилась сложная структура городского населения послереволюционного периода с электоральным корпусом в РСФСР в рассматриваемый период?

Структура городского электорального корпуса 1920-х гг. Проведение выборов в городах по производственному и территориальному принципу предопределило деление избирателей на «организованных» и «не организованных» в трудовые коллективы. К числу «организованных» в коллективы относились рабочие и служащие, состоявшие в профсоюзах, и красноармейцы. Для них собрания проводились по месту работы или службы. В статистических сборниках группы именовались «организованные в профсоюзы» и «не организованные в профсоюзы».

Попытка оценить численность различных групп избирателей в первой половине 1920-х гг. серьезно осложняется низким качеством избирательной статистики и особенностями учета избирателей. Можно выделить три основные проблемы, связанные с дефектностью статистики: 1) отсутствие сведений о выборах в значительной части городов; 2) недоучет различных категорий избирателей; 3) постоянные изменения показателей электоральной статистики.

Одной из основных проблем электоральной статистики первой половины 1920-х гг. стало отсутствие сведений о выборах в значительной части городов, обусловленное низкой дисциплиной губернских отделов управления – территориальных подразделений НКВД, занимавшихся организацией выборов на местах. Многие города игнорировали указания центральных и высших советских органов и не предоставляли сведения об итогах выборов²². Данные по выборам в городские советы в 1920 г. представили в НКВД 122 города и поселка городского типа, в 1921 г. – 150, в 1922 г. – 94, в 1923 г. – 212, в 1924 г. – 305²³. Ситуация принципиально изменилась только в середине 1920-х гг., когда качеству учета данных на выборах стало уделяться больше внимания, руководство выборами было передано Центральной избирательной комиссии при Президиуме ВЦИК, сведения стали представляться по большинству существовавших в то время городов, в кампанию 1925/1926 гг. данные учтены по 365 городам, в 1926/1927 гг. – 584, 1928/1929 гг. – 709, 1930/1931 гг. – 659 городам²⁴.

Электоральная статистика 1920-х гг. показывает существенные колебания различных групп избирателей. По данным наркомата внутренних дел, «неорганизованное население» в городах в 1920 г. составляло 3,9 %, в 1921 г. – 16,3 %, в 1922 г. – 10,9 %, в 1923 г. – 42,5 %, в 1924 г. – 44,2 %²⁵. В последующие избирательные кампании второй половины 1920-х гг. показатели численности неорганизованного населения стабилизируются на уровне 42–44 %, в кампанию 1925/1926 гг. число «неорганизованных» избирателей составило 44,4 %, в 1926/1927 гг. – 41,5 %, в 1928/1929 гг. – 44,2 %²⁶. Аналогичные процессы наблюдались и в динамике «организованных в профсоюзы» избирателей и красноармейцев. В 1920 г. членов профсоюза среди избирателей насчитывалось 59 %, в 1921 г. – 70,1 %, в 1922 г. –

²¹ Воробьев С.В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920-е – 1930-е годы: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 506–515; Соколов А.К. Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 54–60; Федоров А.Н. Реальная опора советской власти... С. 69–86; Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. ... С. 29–30, 34.

²² Подробнее см.: Саламатова М.С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. № 2 (28). С. 103–104.

²³ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. Ч. 1. (городские советы, сельские советы, волсъезды, волисполкомы) / под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова. Статистический сборник. М., 1926. С. 1.

²⁴ Там же. С. 2.

²⁵ Там же. С. 41.

²⁶ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. Выборы в городские советы. Статистический сборник. М., 1930. С. 44.

72,3 %, в 1923 г. – 51,9 %, в 1924 г. – 51,9 %, в 1926 г. – 50,8 %. Численность красноармейцев в городском электоральном корпусе снизилась с 37,1 % в 1920 г. до 3,9 % в 1929 г. Во второй половине 1920-х гг. численность основных групп избирателей стабилизируется, что отражало и относительную стабилизацию электоральных показателей и подходов к организации избирательных кампаний. Данные общероссийской статистики подтверждаются и анализом первоначальных данных выборов в городские советы, поступавших в НКВД в первой половине 1920-х гг.

В 1930 г. произошла смена показателей, в группу «организованных» по профсоюзам избирателей стали учитываться учащиеся (ранее учитывались в группу «неорганизованных») и красноармейцы (ранее выделялись в отдельную группу), включение этих групп позволило власти показать рост «организованных» избирателей в структуре городского населения до 61,8 % и сокращение непролетарских слоев. В кампанию 1934/1935 гг. в статистических сборниках отсутствуют сведения об электоральном корпусе, только о составе Советов и съездов различных уровней²⁷.

Таблица 1

Состав городских избирателей 1920–1931 гг., %*

Избирательные кампании, год	Категории избирателей		
	Члены профсоюзов	Неорганизованное население	Красноармейцы
1920	59,0	3,9	37,1
1921	70,1	16,3	13,6
1922	72,3	10,9	16,8
1923	51,9	42,5	5,6
1924/1925	51,3	44,2	4,5
1925/1926	50,8	44,4	4,8
1926/1927	53,4	42,5	4,1
1928/1929	51	45,1	3,9
1930/1931**	61,8	38,2	Нет сведений

* Таблица составлена с использованием данных: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 13–19; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. ... С. 41; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 44–45; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930/31 гг. Статистический сборник. М., 1931. С. 86–87.

** В 1930/1931 гг. произошла смена учета показателей, в группу «организованных по профсоюзам» избирателей учитывались учащиеся (ранее учитывались в группу «неорганизованных») и красноармейцы (ранее выделялись в отдельную группу).

Несмотря на все изъяны электоральной статистики, просматриваются две основные тенденции, характерные для городского электорального корпуса 1920-х гг.: кратное уменьшение группы «красноармейцев» в первой половине 1920-х гг. и рост численности группы «неорганизованных» в профсоюзы избирателей во второй половине 1920-х гг. Снижение доли красноармейцев в электоральном корпусе стало закономерным следствием прошедшей демобилизацией после окончания Гражданской войны, увеличение «неорганизованных» избирателей обусловлено двумя основными причинами: организационными – до 1925 г. собрания не проводились, эти слои во многих городах автоматически исключались из состава избирательного корпуса, повсеместное проведение избирательных собраний для «неорганизованных» избирателей произошло только после массовой отмены выборов 1924 г., и техническими – плохо налаженным учетом избирателей²⁸. В 1930-е гг. можно отметить тенденцию роста «организованных» в коллективы избирателей за счет включения

²⁷ Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М., 1935.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 23–25.

учащихся и красноармейцев, ранее учитывавшихся в других категориях, а также реального увеличения рабочих на новых предприятиях.

Как соотносились группы «организованных» и «не организованных» в профсоюзы избирателей в различных городах? Электоральная статистика фиксирует зависимость соотношения различных групп избирателей от типа города: чем крупнее город, тем больше группа «организованных» по профсоюзам избирателей и красноармейцев. В 1925/1926 гг. в небольших провинциальных городах до 5 тыс. жителей, членов профсоюзов насчитывалось только 40,8 %, красноармейцев – 2,7 %, а «не организованных» по профсоюзам избирателей – 56,5 %; в городах с численностью более 50 тыс. жителей ситуация была прямо противоположная: членов профсоюзов – 51,6 %, красноармейцев – 6,0 % и «не организованных» в профсоюзы – 42,4 %²⁹.

При этом в РСФСР преобладали небольшие по численности города до 20 тыс. жителей: до 5 тыс. жителей – 136 городов (25,3 %), от 5 до 10 тыс. жителей – 156 городов (29,0 %), от 10 до 20 тыс. жителей – 135 городов (25,1 %), от 20 до 50 тыс. жителей – 60 городов (11,1 %), от 50 до 100 тыс. жителей – 38 городов (7,1 %), свыше 100 тыс. жителей – 13 городов (2,4 %)³⁰. Такая структура городов заведомо создавала проблемы большевикам для избрания лояльных власти Советов с преобладанием рабочих в небольших городах.

Таблица 2

Состав избирателей по группам различных по численности городов
в избирательную кампанию 1925/1926 гг., %*

Группы городов	Группы избирателей			
	члены профсоюзов	не организованные по профсоюзам избиратели	красноармейцы	всего
До 5 тыс. жителей	40,8	56,5	2,7	100
От 5 до 10 тыс. жителей	46,4	50,0	3,6	100
От 10 до 20 тыс. жителей	52,1	44,7	3,2	100
От 20 до 50 тыс. жителей	51,9	43,6	4,5	100
Свыше 50 тыс. жителей	51,6	42,4	6,0	100
По всем городам	50,8	44,4	4,8	100

* Таблица составлена с использованием данных: Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. ... С. 42–46.

Как выглядела численность и структура «организованных» по коллективам избирателей? После стабилизации структуры электорального корпуса в 1924 г. доли «организованных» и «неорганизованных» избирателей оставались практически неизменными. Во второй половине 1920-х гг. «организованные по трудовым коллективам» избиратели составляли в городском электоральном корпусе немногим более половины (от 51 до 53 % – члены профсоюзов и от 3,9 до 4,5 % – красноармейцы), в абсолютных показателях численность этой группы составляла: в 1925/1926 гг. – 2 048 662 чел., в 1926/1927 гг. – 4 634 463 чел., в 1928/1929 гг. – 5 060 726 чел. Изменение численности избирателей преимущественно не было связано с реальными изменениями, а обусловлено улучшением качества статистики: в 1925/1926 гг. данные учитывались по 330 городам, в 1926/1927 гг. – по 584 городам, в 1928/1929 гг. – по 709 городам.

Развернутое представление о структуре «организованных» избирателей дает электоральная статистика второй половины 1920-х гг. Так, в кампанию 1925/1926 гг. доля красноармейцев составляла 7,8 %, членов профсоюзов – 92,2 %; в 1926/1927 гг. красноармейцев – 6,9 %, членов профсоюзов – 93,1 %; в 1928/1929 гг. красноармейцев – 7,1 %, членов проф-

²⁹ Подробно состав избирателей по различным типам городов разрабатывался только в статистике кампании 1925/1926 гг., в последующие кампании учитывалось участие избирателей в различных типах городов.

³⁰ Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. ... С. 39.

союзов – 92,9 %. Доли избирателей в профсоюзах также оставались стабильными во второй половине 1920-х гг.: наиболее крупными были текстильщики (12,3 %), металлисты (12 %), совторгслужащие (10,4 %), железнодорожники (9,3 %), строители (5,6 %), работники просвещения (4,1 %), Всемедикосантруд³¹ (4,7 %)³².

Выборная статистика второй половины 1920-х гг. также содержит сведения о соотношении рабочих и служащих в электоральном корпусе³³: в кампанию 1926/1927 гг. рабочих насчитывалось 2 701 346 чел. (62,7 %), служащих – 1 610 385 чел. (37,3 %); в 1928/1929 гг. рабочих – 3 070 910 чел. (65,3 %), служащих – 1 631 637 чел. (34,7 %)³⁴. Наибольшее число служащих было среди членов профсоюзов совторгслужащих (92 %), работников просвещения (91,7 %), работников искусства (82,3 %) и Всемедикосантруд (79,2 %), в остальных профсоюзах число служащих колебалось от 5,7 до 22 %, наименьшее число служащих было в профсоюзах: текстильщиков – 5,7 %, швейников – 9,6 %, кожевников – 10,5 %, деревообделочников – 14,3 %, химиков – 14,4 %, горнорабочих – 14,6 % и металлистов – 15 %³⁵.

Таблица 3

Структура «организованных» в профсоюзы избирателей и красноармейцев (1926–1929 гг.) в городах РСФСР*

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %
Профсоюзы				
Металлисты	518 285	11,3	609 234	12
Горнорабочие	80 876	1,7	103 512	2
Деревообделочники	74 415	1,6	83 299	1,7
Строители	240 096	5,2	282 571	5,6
Химики	104 699	2,3	132 812	2,6
Кожевники	74 446	1,6	91 276	1,8
Текстильщики	551 534	11,9	622 282	12,3
Швейники	41 116	0,9	64 627	1,3
Печатники	75 025	1,6	83 233	1,6
Бумажники	16 540	0,36	18 582	0,4
Пищевики и сахарники	213 201	4,6	199 166	4
Местный транспорт	83 572	1,8	76 681	1,5
Железнодорожники	505 949	10,9	472 412	9,3
Водники	64 795	1,4	62 417	1,2
Нарсвязь	62 263	1,3	54 627	1,1
Совторгслужащие	572 706	12,4	525 087	10,4
Работники просвещения	234 318	5,1	203 789	4,1
Работники искусств	49 357	1,1	50 770	1

³¹ Всероссийский союз рабочих и служащих лечебно-санитарных учреждений.

³² Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 44–53.

³³ Статистические сборники до 1926 г. содержат сведения только о соотношении рабочих и служащих в составах городских Советов.

³⁴ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 47–49.

³⁵ Данные рассчитывались по кампании 1928/1929 гг. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 47–49.

Окончание табл. 3

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %	численность, чел.	доля среди «организованных» избирателей, %
Всемирдикосантруд	235 726	5,1	237 726	4,7
Рабземлес	112 935	2,4	129 902	2,6
Нарпит	143 594	3,1	155 363	3
Комхоз	163 634	3,5	155 503	3
Не распределено по профсоюзам	92 649	2	287 676	5,7
Итого членов профсоюзов (включая нераспределенных по профсоюзам)	4 311 731	93,1	4 702 547	92,9
Красноармейцы	322 732	6,9	358 179	7,1
Итого	4 634 463	100	5 060 726	100

* Данные рассчитывались по кампаниям 1926/1927 гг. и 1928/1929 гг., в кампанию 1925/1926 представлены ограниченные данные по 8 профсоюзам. См.: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 44–53.

Возвращаясь к вопросу о соотношении электорального корпуса и структуры городского населения, отметим наличие существенных несоответствий. При сравнении данных переписи 1926 г. с данными статистического сборника избирательной кампании 1926/1927 гг. обнаруживаем заметные расхождения: число рабочих в электоральном корпусе составляло 2 701 346 чел., а по переписи только 2 330 950 чел., завышение численности рабочих составило 371 тыс. чел. (14 %). Прямо противоположная ситуация наблюдалась со служащими: в избирательной статистике фиксировалось 1 610 385 чел. (по переписи 2 168 473 чел.), занижение численности составило 558 тыс. чел. (около 26 %).

Было ли искажение электоральной статистики сознательным со стороны организаторов выборов на местах? Анализ архивных материалов не дает однозначного ответа. С одной стороны, высшие и центральные советские органы (ВЦИК и Центризбирком) не давали подобных указаний, напротив, начиная с кампании 1925 г. на проводимых совещаниях, рассмотрении отчетов акцент делался на представлении достоверной отчетности³⁶. С другой стороны, партийные органы в предвыборных директивах формулировали категорические императивы о Советах как об органах пролетарской диктатуры, о повышении активности участия рабочих, об избрании в Советы именно рабочих. Отношение же к служащим, напротив, было крайне настороженным, которых терпели, но не относили к социально близким слоям. Поэтому выскажем гипотезу: организаторы на местах, пытаясь воплотить в жизнь указания о пролетарском характере власти – продемонстрировать высокий уровень участия рабочих на выборах, в ситуации учета разных категорий на единых собраниях на предприятиях часть служащих учитывали как рабочих. Также возможен учет части кустарей, состоявших в профсоюзах или кооперативах, как рабочих³⁷. Давление на организаторов выборов на местах было скорее общеполитическим, и, стремясь выполнить показатели по числу участников рабочих и избранных рабочих, в электоральной статистике указывались недостоверные сведения.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 106. Д. 239. Л. 138–148; Совещание по вопросам советского строительства (январь 1925 г.). М., 1925. С. 37–84; Совещание по вопросам советского строительства (апрель 1925 г.). М., 1925. С. 87; Итоги работ Совещания по советскому строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 3; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 73–112; Всесоюзное совещание по перевыборам Советов в 1929 г. Извлечения из стенографического отчета (9–11 октября 1928 г.). М., 1928. С. 33–36.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 10–79; Оп. 106. Д. 239. Л. 102–105.

Вторая группа избирателей в советской статистике – «не организованные по профсоюзам» избиратели. Ключевым для большевиков стало определение круга избирателей именно среди непролетарских слоев горожан. Установление границ расширения нэпа, допустимых пределов сотрудничества с различными социальными группами, определение социально близких и чуждых слоев новой власти стали центральными темами внутрипартийных дискуссий середины 1920-х гг. Сложная социальная идентификация непролетарских слоев населения в контексте марксистской парадигмы позволяла в разных политических ситуациях причислять их то к полупролетарским, то к мелкобуржуазным слоям. Если в 1925 г. возобладала позиция об ограниченной экономической либерализации, границы сотрудничества были расширены и избирательные права получили крестьяне, кустари, использовавшие в ограниченном объеме наемный труд, а также мелкие торговцы, выбиравшие патент первого разряда³⁸. В 1926 г. эти границы вновь стали предметом оживленной внутрипартийной дискуссии, и руководство страны приняло решения, направленные на вытеснение мелких собственников города и деревни³⁹. К социально чуждым, буржуазным слоям были отнесены крестьяне, кустари и ремесленники, применявшие в любом объеме наемный труд, а также мелкие торговцы⁴⁰.

Внутрипартийные дискуссии не влияли на общеидеологическую оценку непролетарских слоев, большевики считали «неорганизованных» избирателей пережитком дореволюционного времени, презрительно называя их «мещанским населением» городов⁴¹. По сути, это были традиционные слои городского населения, многие из них работали в собственных небольших мастерских, трудились в артелях или, будучи выходцами из крестьян, занимались огородничеством и садоводством и владели собственным жильем в городе (жилье могло сдаваться внаем и выступать дополнительным источником дохода). Начиная с кампании 1926–1927 гг. в советской избирательной статистике была детализирована информация о составе неорганизованных избирателей⁴². Ниже представлена структура не организованных в профсоюзы избирателей в кампаниях 1926–1927 и 1928–1929 гг.

Таблица 4

Структура «не организованных» в профсоюзы избирателей в 1926–1929 гг. в городах РСФСР*

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 г.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность, чел.	доля среди «неорганизованных» избирателей, %	численность, чел.	доля среди «неорганизованных» избирателей, %
Домашние хозяйки	1 714 314	52,7	1 932 590	46,7
Кустари и ремесленники	269 058	8,3	388 139	9,4
Учащиеся	279 681	8,6	320 658	7,7
Крестьяне	191 403	5,9	216 048	5,3
Чернорабочие и батраки	13 974	0,4	5 863	0,1
Инвалиды и пенсионеры	112 977	3,5	240 179	5,8
Безработные	144 465	4,5	344 694	8,3

³⁸ Декрет ВЦИК «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов»; Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов от 13 октября 1925 г.// СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603.

³⁹ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1998. С. 40–43.

⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 85. Д. 19. Л. 83–84.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 42–44.

⁴² Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 52.

Окончание табл. 4

Категория избирателей	Кампания 1926/1927 гг.		Кампания 1928/1929 г.	
	численность (чел.)	доля среди «организованных» избирателей (%)	численность (чел.)	доля среди «организованных» избирателей (%)
Прочие	265 693	8,2	170 155	4,1
Не распределено по группам	258 189	7,9	523 114	12,6
Итого по всем группам	3 249 753	100	4 141 350	100

* Таблица составлена с использованием данных: Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 8–17.

Самую массовую группу «неорганизованных» избирателей составляли домохозяйки (около 50 %), остальные группы были чрезвычайно разнородными и ни одна из них не превышала 10 %. Наиболее значительными среди них были группы кустарей, ремесленников и учащихся. Причины, по которым для студентов средних и высших учебных заведений не проводились отдельные избирательные собрания по месту обучения по аналогии с рабочими или служащими на предприятиях или учреждениях, неочевидны. В 1920-е гг. они учитывались как категория «неорганизованных» избирателей и они участвовали в собраниях совместно с другими горожанами, с кампании 1930 г. для них стали проводить отдельные собрания, соответственно они учитывались как «организованные» избиратели.

Как отмечалось выше, перепись населения 1926 г. фиксировала наличие в городах 13 % хозяев-одиночек и хозяев, работавших с членами семей или в товариществах (в абсолютных цифрах – 1 027 874 чел.⁴³), большая часть из них – это кустари и ремесленники, но также и «хозяева, проживающие в черте города или пригорода, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом или огородничеством, а также извозным промыслом»⁴⁴. В электоральной статистике к мелким хозяевам города можно отнести кустарей с ремесленниками и крестьян, составивших в 1926/1927 гг. 460 461 чел., в 1928/1929 гг. – 604 187 чел., что существенно разнится с данными переписи, занижение численности мелких хозяев городов составило 567 тыс. чел. (на 45 %). Причинами столь значительной разницы стали упоминаемые проблемы с идентификацией и учетом всех категорий горожан и проблемы с учетом разнородных категорий непролетарского населения.

Центризм отмечал разные принципы учета кустарей местными властями и проведения для них избирательных собраний. В части городов кустари, объединенные в кооперативы, артели, общие мастерские, принимали участие в собраниях с «организованными» избирателями, в других городах кустари и ремесленники независимо от формы организации труда принимали участие в общих собраниях «неорганизованных» избирателей⁴⁵. Отчасти эти сложности объяснялись и процессами развития кустарной промышленности и промыслов в 1920-е гг. – постепенное сокращение удельного веса простейших кооперативных организаций в общем количестве кооперированных кустарей и ремесленников и рост кустарей, объединенных в общие мастерские, из последних «более 1/3 членов общих мастерских сосредоточивалось на крупных ценовых предприятиях, практически не отличающихся по уровню технической оснащенности и организации труда от государственных фабрик и заводов»⁴⁶. Можно предположить, что последнюю категорию кустарей преимущественно учитывали как «организованных» избирателей.

Аналогичная ситуация складывалась и с группой безработных: перепись 1926 г. показывала наличие 650 тыс. безработных в РСФСР, а электоральная статистика – только

⁴³ Без учета хозяев, использовавших наемный труд.

⁴⁴ Жиромская В.Б. После революционных бурь... С. 128.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 138. Л. 64; Оп. 106. Д. 239. Л. 104.

⁴⁶ Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 46–47.

144 тыс.⁴⁷ Остальные безработные учитывались по профсоюзам, в которых состояли и, соответственно, принимали участие в собраниях для «организованных» избирателей или значились в категориях «прочих» и «не распределенных по группам».

Большая численность групп «прочих» и «не распределенных по группам», составивших в 1927 г. 523 тыс., в 1929 г. – 693 тыс., связана с очевидными затруднениями местных властей при классификации и идентификации различных групп и определении социального положения горожан.

Искусственное конструирование электорального корпуса, выделение групп «организованных» и «неорганизованных» избирателей, постоянные изменения в критериях учета различных групп избирателей, слабое соотнесение с реальной социальной структурой горожан, наконец, давление на организаторов выборов с целью достижения высоких показателей участия пролетарских слоев приводили к искажению электоральной статистики. Анализ данных переписей и избирательной статистики показывает значительные расхождения: организаторы выборов показывали большее число «организованных» в структуре избирателей, а среди последних – «рабочих», стремясь выполнить директивные указания партийных органов.

Несовершенство учета избирателей свидетельствовало не только об организационных и технических недочетах (легко объяснимых общими проблемами молодого советского аппарата), но и формальном подходе властей к выборам, доминировании идеологических стереотипов в отношении населения, отсутствии заинтересованности в привлечении населения на выборы, повышении его активности и достоверности результатов. Какие последствия имело искажение избирательной статистики? Поскольку электоральная статистика 1920-х гг. содержала данные по широчайшему кругу вопросов о социальном и экономическом положении избирателей, лиц, лишенных прав, депутатах, составах советов и съездов всех уровней, соответственно ее низкое качество неизбежно приводило к искажению представлений о советской системе управления, советских органах, социальных и политических процессах 1920-х гг. Невысокая достоверность избирательной статистики 1920–1930-х гг. является существенным ограничением при изучении советской избирательной системы и государственных органов, разнородные данные, постоянная смена показателей делают их зачастую несопоставимыми.

Электоральная статистика являлась неотъемлемой частью статистического учета в стране, и потому все закономерности и проблемы, характерные для системы в целом, были характерны и для одного элемента. Если рассматривать статистику не только как «источник информации и средство принятия решения, но и как орудие власти, подтверждавшее точность государственной политики»⁴⁸, то советская электоральная статистика давала искаженные данные для принятия решений, основанных на искусственно сконструированных показателях, отражавших схематичное, идеологически заданное видение общественных процессов руководством страны и приводивших к принятию ошибочных решений в различных сферах.

Литература

Андреев В.П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 227 с.

Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. 323 с.

Воробьев С.В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920-е – 1930-е годы: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 506–515.

Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М.: Наука, 1970. 578 с.

⁴⁷ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. ... С. 12.

⁴⁸ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия... С. 7.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.

Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 59 с.

Изменения социальной структуры советского общества (Окт. 1917–1920 гг.) / под ред. В.М. Селунской. М.: Мысль, 1976. 343 с.

Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 166 с.

Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М.: Директ-Медиа, 2019. 199 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

Каримова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е г. (социально-демографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 23 с.

Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 18 с.

Население России в XX веке / отв. ред Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900–1939. 459 с.

Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.

Саламатова М.С. Электоральная статистика в РСФСР в 1920-е гг. // Идеи и идеалы. 2016. № 2 (28). С. 97–108.

Соколов А.К. Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С. 54–60.

Тольц М. С. Статистика как инструмент политики Советского Союза // Социологический журнал. 2003. № 4. С.108–125.

Федоров А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917 – 1920-х гг. (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 69–86.

Яцук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР.1921–1929 гг. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 590 с.

Blum A. Statistique, démographique et politique: Deux études sur l’histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939). Paris: INED, 1998.

Rosenberg W. G. Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 633–644.

References

Andreev, V.P. (1990). *Rukovodstvo Kommunisticheskoy partiy gorodskimi sovetami RSFSR (1926–1937)* [Leadership of the Communist Party in City Councils of the RSFSR (1926–1937)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 227 p.

Blum, A. (1998). *Statistique, démographique et politique: Deux études sur l’histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939)*. Paris, INED.

Blyum, A., Mespule, M. (2006). *Byurokraticheskaya anarkhiya: Statistika i vlast’ pri Staline* [Bureaucratic Anarchy: Statistics and Power under Stalin]. Moscow, ROSSPEN. 323 p.

Egorov, V.G. (2005). *Otechestvennaya kooperatsiya v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovlenie, ehtapy razvitiya, ogosudarstvlenie (pervaya tret’ XX veka)* [Domestic Cooperation in Small Industrial Production: Formation, Stages of Development, Nationalization (First Third of the 20th Century)], Dr. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 59 p.

Fedorov, A.N. (2010). *Real’naya opora sovetskoy vlasti: sotsial’no-demograficheskie kharakteristiki gorodskogo naseleniya Rossii v 1917–1920-kh gg. (na materialakh Tsentral’nogo Promyshlennogo rayona)* [The Real Support of Soviet Power: Socio-Demographic Characteristics of the

Urban Population of Russia in the 1917–1920s (Based on Materials from the Central Industrial District)]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. Vol. 8, No. 1, pp. 69–86.

Gaponenko, L.S. (1970). *Rabochiy klass Rossii v 1917 g.* [The Russian Working Class in 1917]. Moscow, Nauka. 578 p.

Goland, Yu. (1991). *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises That Destroyed the NEP]. Moscow, MNIIPU. 94 p.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: ist.-demogr. ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the Twentieth Century]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 242 p.

Karimova, L.K. (2008). *Sluzhashchie v strukture gorodskogo naseleniya TASSR v 1920-e g. (sotsial'no-demograficheskiy analiz)* [Employees in the Structure of the Urban Population of the TASSR in the 1920s (Socio-Demographic Analysis)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kazan. 23 p.

Korchagin, D.M. (2003). *Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-kh gg. (na materialakh Kubano-Chernomor'ya)* [Soviet Election Campaigns of the 1920s (Based on Materials from the Kuban-Black Sea Region)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 18 p.

Polyakov, Yu.A. (1986). *Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoy voyny: territoriya i naselenie* [Soviet Country after the End of the Civil War: Territory and Population]. Moscow, Nauka. 270 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke* [The Population of Russia in the 20th Century]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1: 1900–1939. 459 p.

Rosenberg, W.G. (1997). Problems of Social Welfare and Everyday Life. In *Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921*. Bloomington, Indiana University Press, pp. 633–644.

Salamatova, M.S. (2016). *Ehlektoral'naya statistika v RSFSR v 1920-e gg.* [Electoral Statistics in the RSFSR in the 1920s]. In *Idei i idealy*. No. 2 (28), pp. 97–108.

Selunskaya, V.M. (Ed.). (1976). *Izmeneniya sotsial'noy struktury sovetskogo obshchestva (Okt. 1917–1920 gg.)* [Changes in the Social Structure of Soviet Society (Oct. 1917–1920)]. Moscow. 343 p.

Sokolov, A.K. (1994). *Politicheskaya sistema i nep* [Political System and NEP]. In *NEP: priobreteniya i poteri*. Moscow, Nauka, pp. 54–60.

Tol'ts, M.S. (2003). *Statistika kak instrument politiki Sovetskogo Soyuz* [Statistics as a Policy Tool of the Soviet Union]. In *Sotsiologicheskiy zhurnal*. No. 4, pp. 108–125.

Vorob'ev, S.V. (2017). *Vlast' i sotsial'noe konstruirovaniye sovetskogo obshchestva v 1920-e – 1930-e gody: praktika protiv teorii* [Power and Social Construction of Soviet Society in the 1920s–1930s: Practice Versus Theory]. In *Ehpokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy. Sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg, pp. 506–515.

Yashchuk, T.F. (2007). *Organizatsiya mestnoy vlasti v RSFSR. 1921–1929 gg.* [Organization of Local Government in the RSFSR. 1921–1929]. Omsk, Izd-vo OMGU. 590 p.

Zhiromskaya, V.B. (1988). *Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: problemy sotsial'noy struktury* [Soviet City in 1921–1925: Problems of Social Structure]. Moscow, Nauka. 166 p.

Zhiromskaya, V.B. (2019). *Posle revolyutsionnykh bur': naselenie Rossii v pervoy polovine 1920-kh gg.* [After the Revolutionary Storms: The Population of Russia in the First Half of the 1920s]. Moscow, Direkt-Media. 199 p.